

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

НАВСТРЕЧУ ХАНУ АЛТАЮ

Половодье

Одуряюще пахнет сирень, медуница,
разогретая солнцем трава.
А Катунь поднимается, в скалах ярится —
вот и мост унесла.

Схлынет — заново строй переправы, причалы,
костровища — в избытке дрова.
Крутит-вертит волна, бьет о камни, качает
с корнем вырванные деревья.

Только воздух спокоен смолисто-горячий,
дух цветенья несет по реке.
Пара бабочек
        то над стремниной маячит,
то катается на топляке.

Весенний сонет

Прильнешь к молодой, цветущей
яблоне беспечальной,
и в белокипенной гуще
останется отпечаток:

как будто объятий контур,
дыхания влажный трепет.
И ветерок щекотный
к щекам лепестки прилепит.

Замрешь на миг, безмятежен.
Так просто весной влюбиться!
Уйдешь, а в памяти нежной
образ твой сохранится.

А ночью засветится тайнами
яблони облетание.

* * *

Когда не надо, все приходит сразу же:
автобусы, хорошая погода.
На улице то солнечно, то радужно,
но некогда идти куда угодно.

Когда не ждешь — заваливают письмами,
зовут для разговоров задушевных.
Несутся вести всполохами лисьими
по белой тишине моей волшебной.

Сидишь один, тоску спокойно празднуя,
вторая чашка — лишняя посуда.
И в прошлом видишь только распрекрасное,
а за окном — сиреневое чудо

пустых небес. И прочерк золотой...
Не за моей ли быстрою звездой?

* * *

Большая Медведица
сияет по контуру крыши
моего пристанища в Балыктуюле.
Морозный ноябрь!

Охотник,
морщинистый теленгит,
попросил меня сочинить
«Плач кедра».
В углу зимовья
зловещею башней торчит колотушка —
надо же как-то жить...
Но кедры плачут.

Балыктуюльский щенок —
серый пушистый комочек —
радуется мне
до визга, до дрожи, до голого брюха —
гладь!
Бросается под ноги,
варежки крадет и грызет,
но в дом не заходит.

Вырастет —
будет матерый охотничий пес,
а не комнатная собачонка.

Конь,
пойманный для меня
на балыктуюльских пастбищах,
где недавно
копытил он снег,
добывая траву,
этот мохнатый
коренастый гнедой —
Каря, Каря...
Не понимает сахара
и какие-то там шенкеля.
Отпускаю поводья...
Быстрым галопом по снегу, по снегу,
несет он мою зазвеневшую душу
навстречу Хану Алтаю.

В Чемале

Солнце все ниже и ниже,
склон выбирает — скатиться,
сосны оранжево лижет
выше чемальской больницы.

Даром не надо беспечной
жизни, но все же, но все же,
вечно бы жить на Бешпекской,
быть бы душою моложе.

Имя горы повторила
улица с краю Чемала,
где я мечтала, любила,
к звездам глаза поднимала.

В гриве сосновой Бешпека
скрылась от этого века.

Суетно что, а что важно —
в поезде вычислю скором.
Даже и сгинуть не страшно,
если за солнечным бором.

На Нижней Катуни

Настроили, нагородили —
не подойти к Катунь близко!
Себе местечко откупили,
а ты? Ты вычеркнут из списка

тех, кто коснется бирюзовой,
на камни теплые приляжет...
Здесь будет кластер образован.
(Вершины гор еще в продаже!)

Земля... Родимая, святая...
Но бизнес прибыльный в фаворе.
И будешь ты, певец Алтая,
отыскивать дыру в заборе.

* * *

Встречи назначенной чудо
в гуще вокзального гула...
Из никуда в ниоткуда
облако проскользнуло...

А ведь могли разминуться!
Страшно подумать — могли бы.
За облаками несутся
тени, быстры и пугливы.

К вечеру небо пустое.
Рощи качается веер.
Пепел дорожных историй
ветром событий развеян.

Все же не вечно дорогам
грохать да клацать плацкартно.
Хочется очень немного:
просто вернуться обратно.

Чтобы любили, встречали.
Чтобы приветное слово
над почерневшей печалью —
белое облако словно.